

1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
С. С. Р.
имени
В. И. ЛЕНИНА

XV 63
II

МУРЗИЛКА

№ 1 Журнал ЦК ВККСМ ЯНВАРЬ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ 1954

Владимир Ильич Ленин в гостях у ребят лесной школы в Сокольниках (окраина Москвы) в 1919 году.

ГДЕ РОДИЛСЯ ЛЕНИН

Государственный
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

п-55-1323

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

На высоком берегу
Дом стоит над Волгой.
Он зимою весь в снегу
От метели долгой.
Дом хотя и староват,
Хоть и не высок он,
Но приветливо глядят
Десять ровных окон.
Затянуло окна льдом,
Снег покрыл ступени.
Этот дом —
Не просто дом:
Здесь родился Ленин.

* * *

Перед домом снег примят,
Крепко утрамбован.
Трубы белые дымят
Облаком лиловым.
Чем-то близким и родным
На морозе пахнет дым.
Солнце ядрышком горит
Между облаками.
Как скорлупка, снег хрустит
Громко под ногами.
Сбившись стайкой, как
птенцы,
Миновав проулки,
Возвращаются жильцы
В дом к себе с прогулки.
Их встречает у ворот
Славный конь «Колечко».
Быстрый маленький народ
Всходит на крылечко.
Только Ваня у саней
Задержался сзади.
Тёплой варежкой своей
Он коня погладил.
Мальчик дышит горячо.
Снег смахнул он с гривы.
Конь приятеля в плечо
Мордой ткнул игриво.

* * *

В этом доме небольшом
Жил Ильич когда-то.

А теперь здесь детский дом,
Здесь живут ребята.
Перед жарким камельком,
В круг собравшись тесный,
Любят дети вечером
Петь и слушать песни.
Песня кончится, потом
Круг плотней сожмётся,
И о Ленине родном
Разговор начнётся.

...Был он в детстве боевым,
Был он честным и прямым.
Старших мальчик уважал,
Младших он не обижал.
Не ленился и во всём
Помогал другому.
Но бывало колесом
Он ходил по дому.
Разойдётся — не унять.
Дом дрожит от шума.
И сказала как-то мать:
— Посиди, подумай! —
С неохотой он сидел
В чёрном кресле долго.
Пригорюнившись, глядел
Далеко за Волгу.
Но нельзя с крыльца сбежать
К шелестящим вязам.
В хлопотах забыла мать,
Что сынок наказан.
Спохватилась — тишина.
Глазки спят родные.
Ветер треплет у окна
Волосы льняные...

Этот дом родимым стал.
Знают все в народе —
В этом доме подрастал
Маленький Володя.
С белой сеточкой кровать
Где-то здесь стояла.
Где-то первая тетрадь
На окне лежала...
Здесь морозным декабрём
Он к столу садился
И, склонясь над букварём,
Грамоте учился.

И бывало в уголке
Затихал Володя,
Только палец по строке
Аккуратно водит.
Он таким серьёзным стал,
Помолчал недолго
И впервые прочитал:
— Вол-га — Волга.

* * *

Кто притих на месте том
Нынче за работой?
Губы строгие с трудом
Тихо шепчут что-то.
Это Ваня Пирогов —
Паренёк толковый.
Он из маленьких слогов
Составляет слово.
Он раскрыл не в первый раз
Книгу на коленях.
Чётко он прочёл сейчас:
— Ле-нин — Ленин.

* * *

Волга, матушка-река,
Спит под шубой белой.
Не слышать над ней гудка,
И стоят во льдах пока
Корабли без дела.
Там, где летом корабли
Шли по расписанью,
Заклубился снег вдали:
Это мчатся сани.
Белым паром на бегу
Дышит конь буланый.
И, как рельсы, на снегу
След сверкает санный.
То ухаб, то поворот,
Глухо бьют копыта.
А в санях сидит народ,
Шубою накрытый.
...На морозной мостовой,
Прямо у крылечка
Встал, как лист перед травой,
Славный конь «Колечко».
В этом доме Ленин жил
В детстве, в год далёкий.

В городе Ульяновске, в доме на улице Ульянова родился В. И. Ленин. Сейчас здесь живут воспитанники детского дома.

Здесь он с книгами дружил,
Здесь учил уроки¹.
Здесь, шагнув через порог,
Утром, спозаранок,
Торопился на урок
Гимназист Ульянов:
И никто не знал тогда,
Глядя вслед Володе,
Что о нём через года
Слух пойдёт в народе,
Что ему неведом страх —
Сердце смело бьётся,
Знамя в ленинских руках
Алое взовьётся.

* * *

Эту комнату зовут
В честь гостей гостиной.
Стулья здесь давно живут,
Жив рояль старинный.
В дом к Ульяновым, сюда
Дети собирались,
И на ёлке здесь всегда
Свечи загорались.

¹ В Ульяновске, в доме на улице Ленина, прошли школьные годы вождя. Здесь теперь открыт музей. Каждый год в дом-музей на ёлку приглашают ребят, живущих в доме, где родился Ленин.

И сегодня старый дом
Ожил, как бывало.
От гостей весёлых в нём
Даже тесно стало.
В доме ёлка зажжена,
Ветки в канители,
Словно ёлка внесена
Только что с метели.
Хоровод, хоровод
Двинулся по кругу!..
Каждый за руку ведёт
За собою друга.
Левой, правой!..
Стук шагов
Отдаётся звонко.
Только Ваня Пирогов
Отошёл в сторонку.
Веселятся все вокруг.
Воск стекает талый.
Почему-то Вани вдруг
В комнате не стало.
Он сейчас сидел вот-вот
С краю на диване...
Хоровод, хоровод,
Ты не видел Вани?

* * *

Голосов не слышно тут.
Тень ложится на пол.

Тихо валенки идут,
Мягкие, как лапы.
В этом доме дорогом
Жил когда-то Ленин.
Мальчик маленький о нём
Думает с волнением.
Он вперёд идёт сейчас,
Двери открывает.
И о Ленине рассказ
Сразу оживает.
...Дверь слегка отворена
В кабинет отцовский.
Стол рабочий у окна,
Стул со спинкой жёсткой.
Хрустнул под ногой паркет —
Ваня в двери входит.
В этот старый кабинет
Прибегал Володя...
Запорошен весь снежком
(Трудно отдышаться!),
А рука за ремешком
Новенького ранца.
Сразу видно по лицу,
По глазам весёлым —
Доложить пришёл отцу,
Возвратясь из школы:
«Из русского — 5,
Из латыни — 5,
Из поведения — 5!»

ЛАЙ

ВИТ. БИАНКИ

Рис. Д. ГОРЛОВА

Когда я первый раз увидел Лая, я подумал, что он волк. Ростом он с волка, и уши у него торчком, как у волка, и масти он серый, волчьей. Только толстый хвост лежит на спине кренделем. Но я тогда не знал, что такой хвост бывает только у лаек, а у волка он висит книзу тяжёлым поленом.

Бабушка объяснила мне, что отец и мать Лая — сибирские лайки, а дед был настоящий волк. Рассказала мне бабушка и о том, как Лай попал к нам.

КАК МОЙ ОТЕЦ ВЫБРАЛ СЕБЕ ЛАЯ

Мой отец был сибиряк, охотник и зверолов. Был у него друг из племени маньси — вогулов.

Народ этот живёт в Сибири, за Уралом, все они отличные стрелки-охотники, хорошо знают повадки зверей и птиц. Этот друг и подарил отцу Лая.

Однажды друг сказал отцу:

— Приходи ко мне через месяц. У меня лайка есть волчьей крови. Скоро у неё будут щенки. Дам тебе, которого сам захочешь. Будет тебе верный друг. И ты ему будь другом.

Отец приехал к нему через месяц. У лайки было шесть маленьких, ещё слепых щенков. Они копошились в углу юрты — чёрные, пегие, а один — серый.

— Теперь гляди, — сказал друг, по-

ложил всех щенят в полу, вынес за дверь и кинул в снег. Дверь в юрту оставил открытой.

Щенки барахтались в снегу и пищали.

Скоро один из щенков, серый, показался на пороге юрты, и — слепой — уверенно заковылял к матери.

Прошло несколько минут, пока явились другие щенки.

Хозяин закрыл дверь в юрту.

— Понимаю, — сказал отец. — Беру того, который пришёл первым.

ВОСПИТАНИЕ

Отец с бабушкой выкормили щенка из бутылочки с соской. Когда у щенка прорезались зубы, он стал грызть всё, что ему попадалось на глаза. Но отец был с ним очень терпелив: он не только не бил щенка, ни разу даже слова плохого ему не сказал.

Отец говорил бабушке:

— На лайку нельзя поднимать руку. Для неё хозяин — первый друг. Побей её раз — и конец: озлобится.

От одного только он не мог отучить Лая: гоняться за глухарями и белками — это, когда Лай вырос и стал ходить с отцом на охоту. Лайка, которая по дичи идёт, называется мелочницей или белочницей: она также и белку подлаивает.

Но отец хотел сделать из Лая зверового кобеля, такого, что на крупного зверя идёт. А зверовый кобель не должен на всякую мелочь внимание обращать. Иначе что получится? Идёт охотник за лосём или медведем, а кругом в тайге глухарь да белка. Лайка и будет по ним тьявкать. А зверь уйдёт.

Тогда отец вот что сделал.

Он застрелил глухаря, застрелил белку и привязал их Лаю на спину. Куда Лай ни побежит, всё их запах чувствует, а стащить с себя не может.

И скоро до того они ему надоели, что он запах их прямо возненавидел. И уж, конечно, больше в тайге ни за глухарями, ни за белками не бегал.

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Через три года Лай был уже отличным охотником. Он умел, забежав вперёд, остановить уходящего по тайге лося. Умел отбить от стада диких северных оленей, одного или двух, направить их прямо на хозяина. А силён был так, что однажды загрыз напавшего на него матёрого волка.

Наконец отец пошёл с ним на медведя.

Напали на след большого зверя. На Лае вся шерсть поднялась дыбом, но он смело бросился вперёд и скоро догнал медведя.

Отец видел, как Лай вцепился ему в г а ч и — в мохнатые штаны, как ловко он отскочил, когда медведь быстро обернулся, чтобы ударить его лапой.

Отец, подбежав, выстрелил, но впопыхах только легко ранил зверя. Медведь рассвирепел и так стремительно кинулся на отца, что отец не успел выстрелить второй раз. Чудовище лапой вышибло ружьё у него из рук. Миг — и отец лежал на спине под тяжёлой тушей.

Он считал себя уже погибшим, но зверь вдруг отвалился от него.

Отец вскочил на ноги.

Лай висел на спине у медведя, зубами вцепившись ему в ухо.

Нет такого пса на свете, чтобы мог один на один справиться с могучим медведем. Самые смелые лайки решаются нападать на такого зверюгу только с тыла. Но Лай спасал жизнь своему хозяину и жертвовал своей жизнью.

К счастью, отец успел схватить валявшееся на земле ружьё и послать в медведя пулю. Медведь упал мёртвый.

Так оправдались слова охотника-маньси: верный Лай спас отца от неминуемой смерти, а отец — Лая.

ЛАЙ У МЕНЯ В НЯНЬКАХ

Мне доходил четвёртый год, когда бабушка приехала и взяла меня к себе. Совсем ещё несмышлёным я был. И бабушка говорит — нёслух, озорной такой, что беда!

Тут опять бабушку Лай выручил.

Придумала она мне в няньки его поставить.

Позвала меня, позвала его. Велела обоим на стулья сесть и говорит:

— Слушайте оба. Тебе, Лаюшка, поручаю за этим молодым человеком присматривать, чтобы не баловал, не озорничал бы.

Лай: «Вау!»

Он, конечно, просто так тьякнул, потому что привык отвечать, если к нему с вопросом обращаются.

А мне бабушка сказала:

— Видишь, он «да» сказал. Ты его слушайся, всё равно как меня. А ты, Лаюшка, всё мне докладывай, что этот молодой человек напроказит. Понял?

Лай, конечно, опять: «Вау!»

Бабушка и говорит:

— Вот, будешь себя хорошо вести, и он к тебе будет добрый. Можешь даже играть с ним. Зато уж озоровать при нём, — строго прибавила бабушка, — и не думай. Всё равно он мне всё про тебя расскажет.

Когда в первый раз закрылась за бабушкой дверь и я остался с глазу на глаз с этим серым волком, мне было очень страшно.

Сажу на стуле, как привинченный, чуть жив, и дохнуть боюсь.

Лай давно соскочил со стула, передними лапами на подоконник вскинулся и бабушку глазами проводил. Потом встал опять на все четыре лапы, по избе походил.

И вдруг ко мне направился.

Меня так и вытянуло на стуле: вот съест!

А он подошёл и голову ко мне на колени положил. Большущая голова, тяжёлая.

Да вот, вижу, совсем добрый волк, ку-

саться и не думает. Страх меня отпустил, и я тихонько положил ему руку на голову.

Он — ничего.

Так вот я и начал привыкать к нашему Лаю. Но, конечно, особенного при нём ничего не делал: опасался, что он про меня бабушке скажет.

ВОЛЧЬИ ЗУБЫ

Скоро я совсем решил, что он не волк, а кто-то похожий на человека, хоть и с хвостом и ходит на четвереньках. Он был мне добрым товарищем.

Случалось, конечно, я и не совсем хорошо вёл себя при нём. Мало ли что на ум взбредёт, когда бабушки дома нет...

Придёт бабушка, Лай сразу передними лапами ей на плечи и что-то ей на ушко шепчет.

То-есть это я тогда думал так, что он ей про меня шепчет, хорошо ли я вёл себя. А он, конечно, просто лизал ей ухо, — привычка у него такая была здороваться с бабушкой.

И сама бабушка делала вид, будто Лай что-то ей докладывает.

Вот я и боялся, как бы он чего лишнего ей про меня не сболтнул.

Бабушка окинет глазами избу, увидит, что в ней всё в порядке, и говорит мне:

— Ну вот, молодец. Лай сказал мне, что ты сегодня хорошо себя вёл.

И я уж совсем стал думать, что Лай во всем со мной заодно.

И вот раз я заметил на полке над плитой забытый бабушкой коробок спичек. Конечно, я сейчас же взял его.

А бабушка, оказывается, ничего так не боялась, как того, что я, оставшись один, наделаю пожар. И если я при ней тянулся к спичкам, она как даст мне по руке, крикнет: «Нельзя!» — прямо как на Лая. И уж как в этот раз она оставила коробок на полке, она сама не знает.

Только я схватил коробок и спички в нём тихонько загремели, вдруг слышу, кто-то рычит сзади. Обернулся, а это

Лай. Стоит, шерсть на шее поднялась — совсем на себя не похож! Главное, зубы оскалил — страшные волчьи клыки.

Я так перепугался, что с табуретки полетел. При этом спички выпали у меня из рук и рассыпались по полу.

Я поднялся на ноги и спрашиваю самым добрым голосом:

— Ты чего, Лаюшка? Что с тобой? Ты не думай: я всего только одну спичку возьму, остальные все бабушке останутся.

Лай слушает и молчит. Шерсть у него на загривке улеглась, и зубы под губой скрылись.

Но только было я потянулся к спичкам — вот уж передо мной опять волчья пасть. Губы сморщены, клыки оскалены.

Я скорей от него в дальний угол.

Тогда Лай лёг и голову на лапы положил. Опять мой добрый, хороший Лай.

Я стал ему говорить, что я не буду костёр делать, а только спички соберу и на место их положу, а то бабушка увидит — задаст горячих. Долго его уговаривал.

Он весело на меня смотрит, даже хвостом виляет. Но чуть я к спичкам — у него сразу глаза злющие делаются, зелёным огоньком зажгутся, и губа поднимается.

Так и не подпустил меня к спичкам.

Ну и, конечно, было мне за это дело от бабушки, ой-ой!..

— Так и знай раз навсегда, — сказала бабушка: — у Лая дружба дружбой, а служба службой. Коли тебе сказано: «Нельзя!» — так и не думай делать: всё равно Лай не даст.

В том-то и был весь фокус: ведь бабушка, когда я к спичкам тянулся, всякий раз говорила мне: «Нельзя!» А Лай это слово отлично знал.

Теперь-то всё просто объясняется, а маленький я ничего такого понять не мог. Вот и думал, что Лай вроде бабушки. Думал, он глядит за мной и боится, как бы я избы не спалил.

Так он меня напугал, что после этого случая я при нём не только делать, — думать плохое что-нибудь и то боялся.

НОВЫЙ ТОВАРИЩ

В. КАРАСЁВА

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

В детский сад пришёл новый мальчик — Боря. Мама его привела, оставила в садике, а сама ушла на работу.

Сели ребята завтракать, а Боря ничего не ест. Только головой мотает.

— Я молока кипячёного не люблю, оно с пенками. Я манной каши не ем, она невкусная!

После завтрака стали новую песню разучивать, а Боря не поёт. Валентина Павловна спрашивает:

— Почему ты, Боря, не поёшь вместе с нами?

— Я не умею.

Валентина Павловна говорит:

— Мы тебя научим.

А он отмахивается рукой:

— Не надо. Я всё равно в детский сад больше не приду.

Валентина Павловна села возле Бори и тихонько с ним разговаривает. А потом подошла к Серёже и Свете и учит их:

— Вы с Борей играйте. Показывайте ему всё, объясняйте. Он никогда в детский сад не ходил и скучает по маме. Если ему станет интересно, он привыкнет и не будет скучать.

Почти целый день прошёл, а Боря всё не привыкает.

Вечером сели ребята на веранде и стали лепить из глины разные игрушки. Валерик вылепил лошадь, Андрюша — само-

лёт, Света — корзинку. А Боря сидит в сторонке, молчит.

Света его спрашивает:

— Почему ты, Боря, не хочешь лепить? Попробуй, какая мягкая глина.

— Я не умею.

— А ты попробуй. На вот тебе комочек глины. Слепи два круглых шарика.

Боря взял глину, слепил два шарика и спрашивает:

— А теперь что?

— А теперь возьми две сосновые иголки и воткни в каждый шарик, в самую серединку, — учит его Света.

Боря так и сделал, и получились две вишенки. А потом он стал сам просить:

— Дайте мне ещё глины, я хочу слепить кролика.

И слепил. Очень хорошего кролика: ушастого, с маленьким хвостиком.

— Ты его Трусской назови, — советует Боре Света.

Тут Валентина Павловна повела ребят мыть руки и ужинать.

За ужином Боря всё съел. И молоко выпил, даже не заметил, какое оно — сырое или кипячёное. А тут и мама пришла за Борей.

— Пора, — говорит, — итти домой.

— Почему так рано? — спрашивает Боря. — На дворе ещё светло.

С. МАРШАК

Рис. Ю. КОРОВИНА

ЁЛКА В ПОЕЗДЕ

В полях, в лесах лежат снега,
Глубокие — по пояс.
Несётся к станции Пурга,
Гудя протяжно, поезд.

Подходит к станции вагон
Без багажа на полке.
Вагон просторный отведён
Для новогодней ёлки.

Меняет ёлочка наряд
На каждом перегоне,
Чтоб смену новую ребят
Принять в своём вагоне.

И долго вечером светло
На улице посёлка,
Куда глядит через стекло
Сверкающая ёлка.

Весёлый ряженный народ,
Надев смешные маски,
Под ёлкой водит хоровод,
Рассказывает сказки.

Подарки ёлка раздаёт,
Не становясь беднее.
И новый год, счастливый год
Приходит вместе с нею!

Это всё ребята наши:
Два Серёжи, две Наташи,

Нюра в белом башлыке,
Оля с мишкой в руке.

По снежку скрипят калоши.
А денёк такой хороший!

Хоть и холодно зимой,
Но не хочется домой.

МЛАДШИЙ БРАТ

(Стихи из новой книги)

А. БАРТО

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

ДВЕ СЕСТРЫ ГЛЯДЯТ НА БРАТЦА

Две сестры глядят на братца:
— Маленький, неловкий!
Не умеет улыбаться!
Только хмурит бровки...

Младший брат чихнул спросонок,
Радуются сёстры:
— Вот уже растёт ребёнок:
Он чихнул, как взрослый!

КОМАРЫ

Всех разморило от жары,
В саду сейчас прохлада,
Но так кусают комары,
Что хоть беги из сада!

Марина, младшая сестра,
Воюет с комарами.
Упрямый нрав у комара,
Но у неё упрямей!

Она отгонит их рукой,
Они кружатся снова.
Она кричит: — Позор
какой —
Напали на грудного!

И видит мама из окна,
Как храбрая Марина
В саду сражается одна
С бригадой комариной.

Опять сидят два комара
У малыша на пальце.
Марина, храбрая сестра,
Хлоп по одеяльцу!

Она убила комаров, —
Забудут, как кусаться!
Но раздаётся громкий рёв
Испуганного братца.

ГРОЗА

Начинается гроза!
Потемнело в полдень,
Полетел песок в глаза,
В небе — вспышки молний.

Ветер треплет цветники
На зелёном сквере,
В дом ворвались сквозняки,
Распахнулись двери.

Сёстры в комнату скорей —
Мамы нету дома,
Может маленький Андрей
Испугаться грома.

Вспыхнул на небе пожар,
Сосны зашумели.
Сёстры, словно сторожа,
Встали у постели.

Горькими слезами
Плачет мастерица,
Жалуется маме:
— Чепчик не годится!..

Но вполне спокоен брат,
Не заметил молний,
Ручки вытащил и рад
И лежит довольный.

ЧЕПЧИК

Света тихо шепчет
Брату по секрету:
— Шью тебе я чепчик
Голубого цвета!

Буду шить до вечера,
Завтра рано встану... —
Младший брат доверчиво
Смотрит на Светлану.

Вот прошло три месяца,
Вырос младший братик.
Скоро не поместится
Он в своей кровати.

Стал братишка крепче,
Возмужал за лето...
Вот готов и чепчик
Голубого цвета.

МОРКОВНЫЙ СОК

Глушит сорная трава
Кустики гороха,
И морковь видна едва —
В общем, дело плохо!

Так не вырастет морковь,
Так не будет толку!
Две сестры сегодня вновь
Вышли на прополку.

У Маринки две руки,
Две руки у Светы.
Берегитесь, сорняки,
Ваша песня спета!

Поработали часок —
И, пожалуй, хватит!
Будет пить морковный сок
Через месяц братик.

ДЕТСКАЯ ПЕРЕДАЧА

Утром звонко, голосисто
Распевает радио.
Льётся песенка горниста,
Пионеров радуя.

Сёстры очень любят обе
Песни юных ленинцев,
Разговоры об учёбе
Слушают, не ленятся.

Говорят они Андрюше,
Маленькому братику:
— И тебе полезно слушать,
Как учить грамматику.

И когда братишка плачет,
Нужно радио включать, —
Может только хор ребячий,
Хор из детской передачи
Малыша перекричать.

После дождя

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

РАНО УТРОМ

Ночью, когда Петя поворачивался с одного бока на другой, он вдруг увидел, как молния за окном ослепительной ломаной линией прочертила небо. Он услышал, как скатился на землю гром и по его оглушительному приказу хлынул частый и шумный дождь.

Но утром дождя уже не было. Петя вскочил с постели и подбежал к окну. Ручьи бежали со всех сторон: с невысокой горки, от зелёного садика, из красных водосточных труб.

Петя быстро оделся и вышел.

Во дворе было хорошо — свежо и прохладно, как будто где-то совсем рядом протекала река. Так всегда бывает после дождя.

Костя Волчков стоял в отцовской капитанской фуражке.

— Сейчас отплываем! — распоряжался Костя. — Я — командующий всего флота! А вы — капитаны кораблей. Понятно?

Петя подбежал к ребятам.

«Командующий» приподнял лакированный козырёк фуражки и строго спросил:

— Где твой корабль?

— Нету...

— Эх ты, капитан без корабля!

— А где взять кораблик?

— Сам сделай! — коротко приказал Костя. Он учился уже во втором классе, и все его слушались.

Петя жалобно взглянул на «командующего»:

— Только не уплывайте без меня. Я сбегаю за бумагой. Быстро-быстро...

ПЕТИНЫ КОРАБЛИКИ

— Открой, мамочка! Это я, Петя. Мне на одну минутку...

В комнате на Мишином столе лежала газета. Петя схватил её и тут же снова помчался во двор.

— Подождите, ребята! Сейчас!.. Сейчас у меня тоже будут кораблики.

Он сел на мокрую, потемневшую от дождя скамейку, разорвал газету пополам и стал действовать так, как учил его брат Миша:

— Складываю... Загибаю концы... Ещё складываю...

Вот они и готовы, два кораблика. Красный заголовок газеты оказался на борту одного из них. Слово «ПИОНЕРСКАЯ» было как раз на сгибе, а слово «ПРАВДА» — на самом борту, посередине, как название корабля.

Петя хотел бежать к ребятам, которые собрались возле большой тёмной лужи, но Костя крикнул:

— Прямо там спускай на воду! Это же «речка Садовая» — она от сада течёт!

Петя спустил на воду один кораблик. «Речка Садовая» подхватила его и понесла к «тёмному морю». А Петя бежал рядом, держа в руке второй кораблик, с газетным заголовком на борту.

Вот Петин кораблик уже добрался до «моря». Тут Костя крикнул:

— На море беспокойно!

Маленький толстяк Димка, по прозвищу Карапуз, схватил суковатую палку и давай орудовать в луже. Засверкали брызги. Со «дна морского» полетели комья грязи. Мутная волна захлестнула Петин кораблик и повалила набок. Он весь как-то съёжился, потемнел. Это был уже не кораблик, а мокрый бумажный комок.

— Ты что делаешь? — крикнул Петя и вырвал у Димки палку.

— Ничего особенного. Я волны делаю. Так «командующий» приказал.

— Я сказал: «На море беспокойно», а ты целую бурю устроил, — строго сказал Костя. Он повернулся к Пете: — Ничего, Петрушка! У тебя ведь ещё один кораблик, да, смотри, какой красивый — с красным заголовком на борту! Пусть плывёт теперь по «реке Сарайке».

Петя вытер лицо, побежал к сараю и

спустил на воду второй кораблик. Но тут раздался мамин голос:

— Петя, завтракать!

И отовсюду послышалось:

— Костя, домой!

— Вова, хватит в грязи возиться!

Одна за другой открывались форточки, распахивались окна...

„НЕТ...“

Комнату нельзя было узнать. На столе, на стульях, на подоконниках — всюду разбросаны книги, Мишины учебники, тетради. Все ящики стола были выдвинуты. А сам Миша сидел на корточках среди всего этого беспорядка и маминым зонтиком шарил под диваном.

— Ты что ищешь? — удивился Петя.

— Не мешай! — буркнул в ответ Миша и полез под стол.

Петя отправился в кухню. Мама всплеснула руками:

— Где ты так измазался?

— Это не грязь. Это морские брызги!

— На́ вот мыло. Умойся как следует.

Петя тут же занялся своим любимым делом: заткнул кран пальцем. Брызги так и полетели веером во все стороны.

— Мало во дворе набрызгался! Мойся как следует, — строго сказала мама.

В кухню вошёл папа. В руках он держал бритвенный прибор. А лицо его было всё в белых мыльных островках.

— А ну-ка, сынок, уступи очередь.

Вбежал Миша. Вид у него был самый растерянный.

— Всё обыскал. Как сквозь землю провалилась! — сказал он и от огорчения начал ерошить волосы.

— Да что пропало-то? — спросил папа.

— «Пионерская правда»! На столе лежала... А теперь нету. Я всё обыскал!

Мыло выскользнуло у Пети из рук и шлёпнулось в раковину.

— Но ведь сегодня «Пионерской правды» и не должно быть. Она по воскресеньям не выходит, — сказала мама.

— Я про старый номер говорю. Нарочно берёг его. Положил на стол, как сейчас помню. Он мне очень нужен для отрядного сбора. Мамочка, ты не брала?

— Нет, — уверенно ответила мама.

Петя стал быстро-быстро намывать лицо и даже уши, как будто для того, чтобы не слышать Мишиных вопросов.

— А ты, папа, не брал?

— Нет.

— А ты, Петя?

Пете почему-то показалось страшным ответить «да», когда все сказали «нет». Он подставил правое ухо под холодную воду и так, отвернувшись от Миши, тоже тихо сказал:

— Нет...

БЕСПОКОЙНЫЙ ЗАВТРАК

Это был беспокойный завтрак. Миша всё время говорил о пропавшей газете:

— Как раз сегодня хотел подготовиться к сбору. Пошёл бы сейчас в библиотеку, но раз газету никто не брал, значит она здесь, дома. Буду искать.

«Что я натворил!.. Что я натворил!..» — с ужасом думал Петя. Он почему-то вспомнил, как Миша учил его строгать, пилить, делать кораблики и пилотки из бумаги. И иногда Миша давал Пете поносить свой портфель, набитый книжками и тетрадями. Петя выходил с портфелем на улицу, и все прохожие думали, что он тоже школьник. Это было очень приятно. И всё это хорошее делал для него Миша. А он?! Как же теперь помочь брату, как?..

Вдруг Петя вспомнил, что на углу улицы стоит газетный киоск. «Знаю, что нужно делать!» — решил он и, не допив чая, побежал к парадной двери.

— Будь во дворе! Мы скоро гулять пойдём! — крикнул ему вдогонку папа.

Но Петя уже скакал по лестнице и не слышал папиных слов.

НА УГЛУ УЛИЦЫ

Вот и киоск. На прилавке — целая гора газет. А из-за горы выглядывает суровое лицо с белыми, словно из снега, вылепленными усами и седой метёлочкой на подбородке.

Возле киоска, то изгибаясь, то выпрямляясь, тянулась длинная очередь. Странновато было становиться в один ряд со взрослыми. Но Петя всё-таки добрался до конца очереди и встал.

Тут были и мужчины и женщины, стари-

ки и молодёжь. Но не было ни одного мальчика Петиного возраста.

Пожилая женщина обернулась и как-то странно посмотрела на Петю. И мужчина в шляпе почему-то повернул голову и посмотрел на Петю. И милиционер на перекрёстке всё время то поворачивался к Пете, то отворачивался от него. «Почему они все на меня смотрят?» — подумал Петя.

Ему казалось, что и женщина, и мужчина в шляпе, и милиционер на перекрёстке — все знают, что он взял газету, а сказал, что не брал, и что без всякого спроса ушёл далеко от дома. Ему захотелось убежать. «А как же Миша? Ведь он из-за меня к сбору не подготовится! Нет, никуда я не убегу!» — твёрдо решил Петя.

Старичок со «снежными» усами и седой метёлочкой на подбородке то и дело говорил: «На двоих! На двоих!»

Вот взял газету мужчина в шляпе. И старичок сказал ему: «На двоих!» Мужчина развернул газету. Под ветром широко распахнулись страницы, словно большая птица расправила крылья. И оказалось, что внутри ещё одна газета. Её взяла пожилая женщина. Она отошла в сторону, и Петя сразу очутился у киоска. Его голова еле-еле возвышалась над прилавком. И старик со «снежными» усами не сразу заметил Петю.

— Быстрее, быстрее! Что же вы не подходите? — обратился он к высокой женщине, которая стояла за Петей.

Но тут Петя поднялся на цыпочки и громко сказал:

— Сейчас моя очередь!

Старик перегнулся через кипу газет, увидел Петю и вдруг словно переменялся: глаза стали добрыми, а усы от улыбки приподнялись.

— Твоя очередь, говоришь? Ладно. Какую же тебе газету?

— «Пионерскую правду», знаете? Только старую...

Старик рассмеялся:

— Старой «Пионерской правды» не бывает! Это самая молодая из всех газет.

— Всё равно... Мне нужно... Ну, не ту, которая сегодня вышла...

— А сегодня она и не выходит. Да ты не волнуйся. Я ведь понимаю, о чём речь. Да вот беда: не храню я старых газет.

— Мне для брата... А ему для сбора... Очень нужно!..

Старик развёл руками — дескать, ничего не поделаешь!.. — и снова стал раздавать газеты, приговаривая:

— На двоих... На двоих... На двоих...

У КИРПИЧНОЙ ПЛОТИНЫ

Во дворе было уже совсем сухо. Солнце быстро выпило все ручьи да лужицы. По песку с трёх сторон тянулись извилистые ложбинки. Это были русла высохших «рек» — Сарайки, Быструшки и Садовой.

Петя дошёл до сарая. Оттуда брала своё начало высохшая теперь «река Сарайка». Петя пошёл по её светлому следу.

Вот три извилистых ложбинки сблизилась и влились в «тёмное море», от которого осталось лишь небольшое углубление в песке, круглое, похожее на котёл.

От испарившегося «моря», с другой стороны, тянулась ещё одна ложбинка. Но её прорыли не дождевые воды, а руки ребят. «Ага, понимаю! Это канал!» — подумал Петя. И пошёл вдоль «канала».

Прошёл немного и вдруг увидел невысокую красную стенку, сложенную из четырёх кирпичей. Это была кирпичная плотина. А возле плотины лежали на боку, словно грелись на солнышке, маленькие кораблики. Тут их бросили «капитаны», убежавшие гулять с папами и мамами.

Петя нагнулся над кирпичной плотинкой и стал быстро осматривать кораблики. Они все были похожи, как близнецы. И не узнаешь, какой твой.

Но вдруг Петя вскочил и закричал:

— Мой! Мой!..

На борту одного из корабликов он увидел красный газетный заголовок...

ЧУДЕСНОЕ СЛОВО

— Где же ты был? Ведь мы гулять собрались! — встретили Петю мама и папа.

Миша попрежнему рылся за шкафом. «Всё ещё ищет!» — подумал Петя. Он переборол свой страх, решительно подошёл к столу и положил на него свой кораблик.

— Вот!.. Вот она, твоя газета! — сказал он Мише.

Миша выскочил из-за шкафа и схватил кораблик.

— Тут же только одна половинка, а где другая?

— Её Димка утопил.

— Как утопил?!

— Очень просто: устроил бурю — и утопил!..

Миша смотрел на Петю и молчал.

«Уж лучше бы ругал, и то бы легче было. А то молчит», — подумал Петя.

Миша положил кораблик на стол и медленно проговорил:

— Так ты, значит, из моей газеты корабликов понаделал?

— Всего только два кораблика, — пробормотал Петя.

— Почему же ты сразу не сказал?

— Я... я... ну... побоялся...

И тут словно что-то взорвалось у Миши внутри.

— То, что взял без спроса, — это ещё ничего. А зачем же наврал? Ведь я бы искать не стал — время бы зря не тратил! Сказать правду — побоялся, а наврать ты не побоялся!..

Мама и папа стояли тут же рядом, но Петя боялся взглянуть на них.

Наступило молчание. Ох, какое это было неприятное молчание!.. «Хоть бы пришёл кто-нибудь, — думал Петя. — И тогда бы все про меня забыли...» И тут, словно по его просьбе, раздался короткий звонок.

Это пришёл Костя Волчков. В руках он держал целую кипу газет.

— Вот тут все последние «Пионерки», — сказал Костя, — я их по числам подбираю. Посмотри, Миша.

Миша кинулся к нему.

— Спасибо, Костя! Вот уж выручил!.. Большое тебе спасибо! А знаешь, кто газету взял?

Петя подбежал к столу:

— Я взял. А всё из-за этих корабликов!

Тут папа заметил красный газетный заголовок на борту и задержал Петину руку. Потом он взял кораблик и стал внимательно разглядывать его.

— Кораблик тут ни при чем, — сказал папа. — Играй с ним. И помни слово, которое написано здесь красными буквами. Это чудесное слово — «ПРАВДА»!..

* * *

Много прошло дней. Много дождей пролилось на землю, и много ручьёв журчало по большому зелёному двору. Много корабликов смастерил Петя. И на каждом из них он аккуратно выводил печатными буквами: «ПРАВДА». И это было первое слово, которое он научился писать.

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

ПРО МЫШКУ

(Шутка)

Один художник, говорят,
Решил порадовать ребят.
Стал он думать и гадать,
Что ему нарисовать:

«Я, пожалуй, нарисую
На рисунке на своём
Дружбу крепкую, большую
Между мышкой и котом!»

Все довольны, всем смешно,
Но...

Только мышка увидела
Полосатого кота,
Убежала из журнала,
Не оставив и... хвоста!

Убежала без следа!
Вы не скажете, куда?

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

ТЁЛОЧКА ОПЫТНИЦА

В. ЛЕБЕДЕВ

Рис. А. КЕЛЕЙНИКОВА

Однажды стали доярки проверять коровник, все ли коровы на месте, и видят — не хватает одной коровы.

Пошла по коровнику тревога:

— Где Беяна? Нет Беяны...

Сказали об этом Станиславу Ивановичу, старшему своему. Он удивился и даже рассердился на доярок:

— Как это могло случиться?

Велел всем искать, и сам тоже пошёл по полям и лугам искать пропавшую корову.

А дело было поздней осенью, уже и снег выпал, и морозы стояли, и вьюга, того гляди, могла разразиться. Если забрела корова далеко, то и погибнуть могла.

День ищут, два ищут... Нет коровы, как в воду канула. А леса тогда возле Караваева были густые, дремучие. Нелегко через них пробираться.

И вот нашли, наконец, уже на четвёртый день, пропавшую Беяну. Стоит она на лесной полянке, занесённой снегом, возле копны невывезенного сена, пощипывает это сено — и хоть бы что!.. А возле неё тёлочка прыгает трёхдневная, ничего что мороз да снег кругом. Глазёнки весёлые, блестят, хвостиком вертит, копытцами снег взбивает.

Удивились все:

— Вот диво! Родилась тёлочка в лесу, на морозе, а жива, здорова и весела. Куда здоровее и веселее тех, что рождаются в тёплых стойлах!

Задумался Станислав Иванович: «Как быть с новорождённой тёлочкой? Поме-

стить её в обыкновенный тёплый телятник? Но ведь часть тех телят, которые рождались и росли в тёплых стойлах, то и дело болели, росли хилые, невыносливые. Ели плохо, лениво, в весе прибывали слабо».

И вот явилась у Станислава Ивановича мысль: «Поставлю-ка я эту тёлочку, что родилась в лесу, на морозе, в помещение без всякой топки».

Решено — сделано. Смелый опыт начался. И даже тёлочку назвали в честь этого Опытницей.

Испугались, однако, многие караваевцы:

— Как так? Слыханное ли это дело — телёнка на холоде растить?

Только одна телятница, простая русская женщина по имени Таисья Алексеевна, взялась помогать Станиславу Ивановичу.

— Умное, хорошее дело придумано!.. — спорила она с теми, кто сомневался.

Но когда сказала она своей дочурке Нине, что тёлочка на холоде растёт девочка тоже перепугалась и даже расплакалась:

— Жалко мне её, мама! А вдруг замёрзнет она или простудится?

Засмеялась Таисья Алексеевна и на другой день привела Нину к тёлочке. Смотрит Нина — и глазам не верит. Хоть и холодно в помещении, но не зябнет тёлочка Опытница: прыгает, резвится. Дышит она морозным чистым воздухом, крепнут у неё и лёгкие и всё тельце.

Нина с собой ломтик хлеба принесла да большую вкусную, рассыпчатую картофе-

лину, только что сваренную, тёплую. Дала тёлочке ломтик хлеба — та съела. Дала картофелину — тоже. Сбегала за пучком сена и тоже хотела тёлочке дать. Но Таисья Алексеевна остановила дочку:

— Ты думаешь, она голодная? Нет, мы её хорошо кормим; просто у неё аппетит замечательный от холодного воздуха. А сено рано ей есть: она ещё маленькая.

«Ничего себе маленькая! — думает Нина. — Месяца ещё нет, а уже как годовалая тёлка».

Когда исполнилось Опытнице полгода, она уже на взрослую корову стала похожа и по росту и по весу. Вот как быстро она росла и крепла на чистом морозном воздухе!

Видит и Станислав Иванович и все другие караваевцы, что удался опыт с Опытницей. Начали так и остальных телят вос-

питывать, и таких вырастили чудесных коров, что одна может своим молоком целый пионерский лагерь прокормить! По шестьдесят литровых кринок молока в сутки давала, например, знаменитая караваевская корова Гроза.

Славен теперь караваевский скот на весь Советский Союз и даже на весь мир. Едут в наше приволжское Караваево учёные люди со всего света своими глазами посмотреть, как на холоде телята растут, в коров-великанш превращаются.

Велик и от родного советского народа почёт смелым, находчивым караваевцам.

А тёлочка Опытница, с которой всё это дело началось, ещё жива и даёт помногу молока. Она самая долголетняя корова на всём земном шаре.

Вот какой крепкой, здоровой сделала её закалка чистым холодным воздухом.

На обложке — рисунок В. Щеглова „За книгой“.

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Бажкин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бодров

Год издания тридцатый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.
Бумага 60×92¹/₂—1,5 бум. л.—3 печ. л.

A06986

Подписано к печати 25/XI 1953 г.
Тираж 600 000 экз. Заказ 2357

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

40

14955

Рис. Н. ЖУКОВА